

— На этот раз я говорю искренне, без тени обмана. За эти годы затянувшегося противостояния обе стороны понесли тяжелые потери. Внутри нашей Великой Мин тоже не прекращаются восстания, и на их подавление уходит большая часть наших сил. Мы действительно измотаны, и сейчас самое время заключить мир.

Эти слова Фан Шу произнес с искренностью и убедительностью.

Однако Кониси Юкинага, хотя и был слегка поколеблен, все еще не верил ему.

— Твои слова звучат слишком просто, чтобы им можно было поверить!

Фан Шу достал из груди императорский указ. Это был тот самый указ, который когда-то назначил его военным советником-надзирателем. Важность его заключалась в печати императора. Даже если Кониси знал китайские иероглифы, он вряд ли мог распознать почерк Шэнь-цзуна. Император увлекался каллиграфией и любил хвастаться своим мастерством, никогда не писал строго по правилам, предпочитая скоропись, которая была изысканной, но трудной для чтения.

Охранник Кониси передал указ ему. Кониси видел императорские указы раньше и, несомненно, узнал бы печать. Фан Шу делал ставку на то, что он не сможет распознать почерк Шэнь-цзуна.

Он воспользовался моментом:

— Даже сам император Шэнь-цзун издал указ о заключении мира. Зачем нам продолжать сражаться до смерти? На этот раз наш двор не собирается назначать вас японским королем. Давайте просто оставим друг друга в покое!

Кониси узнал печать, но содержание указа... Его собственный чиновник, хотя японские иероглифы имеют сходство с китайскими, не мог постичь глубину китайской каллиграфии. Будучи военными, они не могли разобрать этот «куриный почерк», поэтому позвали господина Ханя, чтобы он прочел указ слово за словом на японском.

Господин Хань, взглянув на содержание указа, был потрясен. Он посмотрел на Фан Шу с его спокойной улыбкой и понял, что делать нечего — придется играть по его правилам.

Он, указывая на строку «Любимый чиновник Вэнь, хорошо изучивший военное искусство и обладающий талантом!», сказал:

— Наши войска понесли тяжелые потери и не могут больше нести бремя налогообложения!

Он продолжал подбирать слова, пока не дошел до последней строки «Назначаю Фан Шу исполняющим обязанности министра войны!», которую прочел как:

— Теперь мы надеемся, что две страны больше не будут воевать друг с другом!

К этому моменту Кониси уже на семь-восемь десятых поверил. Он сложил указ и улыбнулся.

— Если у вас есть указ, почему вы не показали его раньше? Зачем было задерживать этих людей?

Фан Шу ответил спокойно:

— Это было срочно доставлено, чтобы вы, господа, поверили. Эта война... Она приносит страдания только нам с вами, и я не вижу в ней смысла.

В конце концов Кониси отпустил Фан Шу и его людей, но оставил господина Ханя и других заложников, пообещав на следующий день провести церемонию переговоров и вернуть всех заложников.

Фан Шу вынужден был согласиться, понимая, что дальнейшие пререкания могут вызвать подозрения.

Их снова вывели из города. Хотя на этот раз их не сопровождали с обнаженными мечами, охрана была насторожена и следовала за ними вплотную. На улицах виднелись белеющие кости, а в углах прятались испуганные и полубезумные беженцы. Их взгляды были полны страха и отчаяния. Это место, которое когда-то было их домом, превратилось в кладбище и пристанище для бродяг.

У городских ворот Фан Шу заметил высокую, знакомую фигуру, следовавшую за патрулем. Это был Вэнь Сюаньцин. Их взгляды встретились на мгновение, и оба поняли друг друга без слов.

Он в безопасности! Он невредим!

Лю Большой Меч нервно ходил взад-вперед по лагерю, чувствуя себя беспомощным, но тут появился Фан Шу и его люди.

Как только Фан Шу вернулся в лагерь, Лю бросился к нему:

— Господин Фан! Как дела?

Он осмотрел его с ног до головы, но не нашел никаких ран.

Фан Шу ответил с грустью и облегчением:

— Кониси Юкинага поверил, что мы хотим заключить мир. Завтра утром мы выйдем из города для переговоров.

— Разве это не хорошая новость? Завтра я отрублю ему голову своим мечом из кованого железа

и вывешу ее на городской стене!

Лю Большой Меч уже точил свой меч, готовый к действию.

— Старый лис оставил себе козырь — он задержал господина Ханя и других, — вот что меня беспокоит.

— Это...

Обычно Лю Большой Меч действовал по принципу «сначала руби, потом думай», но эти люди были заслуженными, и такой подход казался неуместным.

Фан Шу вспомнил решительный взгляд господина Ханя, когда они уходили. Он понимал, что тот хотел сказать.

— Завтра мы сделаем то, что должны. Кониси и его люди обречены. Вам не о чем беспокоиться, господин Лю.

Фан Шу дал Лю Большому Мечу уверенность, что он сам возьмет на себя все тяготы.

Если раньше между Лю Большим Мечом и Фан Шу была вражда, то сейчас она исчезла, оставив лишь уважение к этому молодому человеку.

В ту ночь Фан Шу до позднего вечера читал «Хроники Великой Мин», подаренные господином Ханем, а Лю Шунь всю ночь рассказывал о героических подвигах Фан Шу.

Эрлян напомнил:

— Молодой господин, пора отдыхать. Завтра нас ждет тяжелый бой.

— Да, — Фан Шу закрыл книгу и надавил на точку Цинмин. — Я когда-то хотел купить эту книгу, но она стоила три лян серебра, и я не смог себе этого позволить. Тогда я упомянул об этом в лагере господину Ханю, и оказалось, что у него есть экземпляр, который он мне подарил...

Даже Эрлян, обычно спокойный, был охвачен атмосферой войны:

— Молодой господин... Вам стоит радоваться за господина Ханя. Он погиб за страну, и это величайшая честь.

Фан Шу улыбнулся:

— Надеюсь, он обрел то, что искал.

Они не были как отец и сын, но их связывала дружба, преодолевшая разницу в возрасте.

Однако на следующий день произошло то, что вызвало ярость и скорбь в армии западного маршрута. На стенах города Шуньтянь были выставлены головы господина Ханя и его спутников, с которых еще капала кровь.

Фан Шу выхватил меч у одного из солдат и перерезал веревку, удерживающую отрубленные головы.

Головы, как мячи, покатались по земле. Фан Шу, не обращая внимания на опасность, спешился и поднял голову господина Ханя. При ближайшем рассмотрении он увидел, что глаза покойного были широко открыты, с преобладанием белка.

С городских стен начали сыпаться стрелы, и Фан Шу, уворачиваясь, легко вскочил на коня. Он все еще держал в руках окровавленную голову.

Он холодно посмотрел на людей на стенах.

Лю Большой Меч, охваченный яростью, замахнулся своим мечом, готовый отдать приказ о штурме, но Фан Шу остановил его:

— Кто-то выдал наши планы!

Кониси Юкинага не только не вышел из города, но и казнил пленных! Его намерения были ясны.

В этот момент с городских стен спустили длинное полотно с ярко-красными иероглифами, написанными кровью, судя по сильному запаху.

Солдаты, увидевшие эти четыре иероглифа, покрылись холодным потом.

Там было написано: «Убивайте пленных! Ешьте их плоть!»

Фан Шу крикнул:

— Отступаем!

С городских стен начали бросать камни и стрелы, и еще несколько солдат получили ранения или погибли.

Они срочно отступили.

Фан Шу вымыл лицо господина Ханя и начал причесывать его волосы. Эрлян наблюдал за тем, как его господин возится с головой мертвеца, и это зрелище было одновременно жутким и печальным.

— Молодой господин, позвольте господину Ханю обрести покой!

Фан Шу кивнул:

— Я думаю о том, как заполучить голову этого пса Кониси.

Эрлян с облегчением вздохнул — его господин, по крайней мере, был в здравом уме.

Фан Шу долго размышлял, но в итоге решил кремировать господина Ханя. Он собрал пепел в фарфоровый сосуд и положил его за пазуху.

Он позвал Лю Большого Меча, только его одного:

— Мы идем на полный штурм!

Это было то, чего хотел Лю Большой Меч. В его голове была только одна мысль: в бой!

В тот же вечер Эрлян прибежал к Фан Шу, который занимался планированием операции, и передал ему секретное письмо:

— Господин Вэнь велел передать это только вам!

Прочитав письмо, Фан Шу схватил меч и начал спрашивать у солдат:

— Где Дали?

В конце концов солдаты указали на палатку Лю Большого Меча.

Лю Шунь попытался остановить Фан Шу, но тот, не желая тратить время, оттолкнул его и вытащил меч Фэнгуан.

Лю Большой Меч занимался «сбором ян», а Дали сидел на нем, словно выполнял быстрые приседания. Лю Большой Меч наслаждался процессом, но вдруг его тело обдало горячей жидкостью. Он открыл глаза и увидел, что голова Дали висит перед ним, держась только на тонкой полоске кожи, а тело все еще сидело на нем.

Голова качнулась, и на лице Дали застыло выражение полного изумления.

За телом стоял бесстрастный Фан Шу, державший в руках меч Фэнгуан, с которого капала кровь.

Лю Большой Меч в ужасе закричал, сбросил тело и начал судорожно одеваться.

Он схватил свой меч из кованого железа и ударил им Фан Шу:

— Ты, чертов ублюдок!

Фан Шу принял удар, и между их клинками вспыхнули искры. Фан Шу не смог удержать удар и упал на одно колено.

Эрлян и Лю Шунь, услышав шум, ворвались в палатку и увидели ужасную картину: голова Дали почти отделилась от тела, шейные позвонки были видны, а Фан Шу и Лю Большой Меч стояли друг против друга, оба покрытые кровью.

<http://bllate.org/book/15514/1378092>